

Знание - Власть!

Концептуальное приложение. Срок актуальности информации - не ограничен.

ВОИНЫ, ГОТОВЫЕ ДО КОНЦА ВЫПОЛНИТЬ СВОЙ ВОИНСКИЙ ДОЛГ

Из книги Каменева А.И.
"Военная школа России:
уроки истории и стратегия развития"

Нужны ли России честные и благородные офицеры, «христолюбивые воины», готовые положить душу свою «за други своя»? Может ли православие дать делу подготовки офицеров такую силу, которую не в состоянии поколебать недруги России? Что может составить прочную основу самоотверженности, долга, ответственности, стойкости, мужества, смелости и отваги, т.е. всего того, что столь необходимо для профессии офицера? В чем состоит великая и преобразующая сила самосознания? Чем обусловлен примат духовного начала над физическим? Почему и для чего человек должен совершить восхождение к своей духовности, обрести дар свободы, познать свою индивидуальность? Почему укрепление духовного начала в человеке должно быть предметом и его личной заботы и тех, кому поручено его обучать и воспитывать? Какие силы сдерживают благие побуждения и дела человека? Что значит жить жизнью, достойной звания «Человек»? Как следует относиться к тому, что не все люди от природы равны? Почему гибнут подчас природные дарования? Почему религия лучше всего объясняет природу человека, помогает ему в испытаниях, воодушевляет надеждой, верой и любовью? Какое значение для человека имеет жизненно важное знание? Как в человеке проявляется его общее, национальное и индивидуальное начало? В чем особенности проявлений русского человека? Что о поре юношества говорят нам христианские ученые? Насколько важно это учитывать в работе с курсантами? Сколь сильно влияние чувств на наше поведение и поступки? Как все усвоенное о человеке «накладывается» на задачи военной школы?

Вопросы о происхождении мира и человека во все времена были одними из первых и важнейших вопросов, предлагаемых жизнью. Но тайна миробытия так глубока, что ум человеческий не в состоянии ее постичь. Тем не менее жизнь, с ее реалиями и требованиями, настойчиво требует исследования и освещения этого вопроса.

Еще более 100 лет тому назад озабоченный духовной деградацией общества священник Г. Дьяченко писал:

"Истекающий XIX век глубоко оземлился; у большинства потерял вкус ко всему духовному... Недугует душа, болеет воля. Жизнь сбилась с пути, какой указал Бог, и возвращению на прямую дорогу поставляются преграды. Люди как бы нарочно избавляются того светоча, который мог бы осветить мрачный путь жизни. Вера ослабела везде, нерадение к вере поразительно. Будущее поколение во многих семействах до поступления своего в школу крайне редко слышит что-либо о Боге, о святой вере, о церкви. Все реже и реже становятся благочестивые матери, которые сами готовят своих детей для поступления в училище, беседуя с ними о Боге милосердном, о Христе Спасителе, об ангеле-хранителе и т.д. Ныне дети поступают в училища часто совершенно невежественными в религиозном отношении. Немало знают они мирских песен, стихов разных, и так мало молитв; так много знают греховного, и так мало божественного".

В тон ему с тревогой о судьбе России пишет русский патриот И. Ильин: "Техника снижает духовный уровень жизни по всей линии: шум импонирует массе, радио-выкрики и граммофонные диски становятся все пошлее, "кино" демагогирует толпу, товары снижаются в качестве, падение газетного уровня пугает и удручает. Земные "утехи" и "развлечения" манят людей. Жажда наслаждений растет, а с нею вместе и воля к богатству и власти. Трезвые удержки слабеют, мудрая вера утрачивается, порок не отталкивается; современный человек верит в свою окончательную смертность, но не верит в свое бессмертие и в вечную жизнь; и сама молодость кажется ему кратким и непрочным даром. Поэтому он торопится; ему "некогда". Обманчивые радости естества кажутся ему главными или даже единственными. И вот он спешит улучшить или использовать свою "земную конъюнктуру", он боится "упустить" и "не успеть". Совесть его смолкает, честью он не дорожит. Он начинает ломить без стыда и "оправдывает" свою дерзость нравственным релятивизмом ("все условно"). Рассталкивая друг друга, люди добиваются "лучшего" и большего" и затаптывают слабых и беззащитных на смерть. И уже трудно бывает отличить с человека от зверя, партию от шайки, парламентария от взяточника-авантюриста, народ от черни. Люди нашего времени утрачивают духовный хребет: они одержимы завистью и жадностью. Вот откуда эти новые в истории образы порочности: политических разбойников, профессиональных предателей, партийных палачей, садистов государственности, врагов благочестия, артистов клеветы, истребителей праведности, откровенных лжецов, закулисных властолюбцев и т.д."

Коренным интересам России чужда такая атмосфера. России нужны честные и благо-

родные люди, граждане, сознающие свой гражданский и патриотический долг; христолюбивые воины, готовые до конца выполнить свой воинский долг.

Сегодня становится все более очевидным, что без высокой духовности, истинной Веры, высоких добродетелей невозможно возродить могучую Россию. Вот почему пора в свете всего пережитого и выстраданного, сбросить с себя власть старых, потерявших ныне всякий смысл предрассудков, и обратиться к христианству за помощью в таком важнейшем деле, которым является дело воинское.

Христианство больше знает о человеке, больше верит в него, глубже понимает человека, чем любая философская, психологическая, социальная или педагогическая система.

Пора взять на вооружение тот бесценный капитал, которым мы до сего времени нередко пренебрегали. Пренебрежение наше с следствием невежества, а "чего не знаешь, того и не ценишь", с говорят обыкновенно.

Итак, для начала несколько исходных позиций:

— Мы имеем дело с человеком, а раз так, то должны его знать настолько, насколько это возможно.

— Понимание человека сокрыто в тайне его рождения и появления на Земле. Ключ к пониманию этой тайны дает антропология.

— Христианская антропология — одна из древнейших дисциплин, с выводами и оценками которой следует считаться.

— Без понимания существа человека как личности, мы не в состоянии строить какую-либо систему работы с ним, а тем более такое сложное дело, как военное.

Далее установим сразу исходную точку в исследовании военной стороны вопроса, для чего полностью солидаризируемся с мнением Н. Головина о духовной стороне войны, как решающем факторе побед и поражений:

"Главенствующее значение духовной стороны в явлениях войны мы считаем в праве взять за исходную точку по следующим крайне существенным основаниям:

1. Значение духовных свойств бойца всегда высоко оценивалось полководцами всех времен и народов. Привести имена тех, которые верили в их главенствующее начало, было бы равносильно составлению списка всем выдающимся военачальникам. Все великие полководцы прежде всего стремились повысить духовные силы бойцов. Суворовская "наука побеждать" вся состоит из приемов, нравственно укрепляющих войска. Мы не будем утруждать себя выписками из мнений военных авторитетов, так как их можно привести бесчисленное количество. Великими практиками военного искусства давно уже установлен закон главенствующего значения духовного элемента для победы в бою, — это, можно сказать, "избитая истина" совершенно забывается.

2. Военная история на каждой своей странице подтверждает закон главенствующего значения духовного элемента. Все отживающие и, следовательно, слабые в боевом отношении народы владели большею частью высокой внешней культуры. <...>

3. Само военное искусство прежде всего зависит от духовных свойств бойца. Боец - это "средоточение сил, по поражению Леера, является ключом к объяснению всех явлений войны, как частного, так и общего характера". "Эволюции в военном искусстве исходят из человека и к нему возвращаются".

Практический смысл всех изысканий в этой области сводится, в основном, к пониманию следующих реалий:

1. Важность для государства военных задач и высокой степени ответственности армии перед нацией за защиту ее интересов требует необходимость иметь такую армию, которая была бы в состоянии выполнить свой долг, хотя бы путем самопожертвования. Следовательно: нужна прочная основа жертвенности. Ее может дать только Вера.

2. Потребность армии сохранить хладнокровие и благоразумие в условиях экстремального характера смут, волне-

ний (революций), сложной военной и боевой деятельности, требующей от военного человека максимальной отдачи и напряжения всех сил (физических, умственных, духовных), не дать себя деморализовать. Значит: необходима прочная база для формирования долга, ответственности, стойкости, мужества, смелости и отваги.

3. Необходимость противодействовать духовной агрессии, осуществляемой, как правило, задолго до военного столкновения и имеющей целью подорвать духовные силы нации, внести сомнения, пораженческий дух и т.п., зная, что в этой сфере враг действует наиболее коварно и расчетливо. Следовательно: вопросы духовной закалки народа и армии, бдительности и трезвения выдвигаются на первый план.

Следующая группа исходных положений касается пределов и возможностей нашего понимания сложнейших вопросов бытия человека. Они сводятся к следующей констатации:

1. Мы отдаем себе отчет в том, что ум человеческий не в состоянии проникнуть в ту сокровенную тайну, которая имеет название "человек". Следовательно, наши умозаключения — всего лишь слабая человеческая попытка приблизиться к Сокровенному Знанию.

2. Те открытые человечеству Истины, конечно же, несравненно глубже и полнее, чем мы их представляем и понимаем. Нам удастся рассмотреть лишь отдельные грани этой истины и сделать частные заключения по поводу их практического осмысления и учета.

3. Обнаруженное и осмысленное знание может оказаться впоследствии всего лишь "строительной конструкцией", позволяющей дальнейшим исследователям взбираться к высотам новых Истин.

4. Мы понимаем, что сокровенная правда о человеке может быть использована как во благо, так и во вред ему. Посему, приобщение к сокровенному требует и чистых рук, и доброго сердца, и честных помыслов, и благоговейного отношения к Истине.

Правда о человеке

Этот вопрос представляется одним из главнейших в вопросах бытия. Здесь есть несколько граней:

- во-первых, понимание того, что есть человек, структуры человека, т.е. обнаружение ведущих компонентов личности;
- во-вторых, выявление соотношений и взаимосвязей между ними и определение примата тех или иных компонентов;
- в-третьих, обнаружение тех основных аномалий, которые имеют место в данной системе взаимосвязей;
- в-четвертых, определение характера и степени связи и взаимозависимости каждого отдельного человека от ему подобных;
- в-пятых, выявление возможностей "автономного" существования человека.

Эти знания, в свою очередь, позволяют дать ответ на следующие вопросы:

1. Нужно ли вмешиваться в ход развития человека? Если — "да", то до какой степени это возможно и допустимо?
2. Какие внутренние силы, в какой последовательности и каким образом следует развивать?
3. Какой должна быть степень самостоятельности и ответственности самой личности за ход своего развития?
4. Где находятся главные источники и механизмы развития человека (внутри или вне его) ?
5. В какой мере внутренние законы (автономия личной системы) зависит от действия законов более совершенных систем (общества, человечества и т.д.) ?
6. Как следует строить внешние механизмы воздействия (в частности, воспитание и обучение), какому из механизмов следует отдавать предпочтение?

Начало личности, согласно христианской антропологии, существенно связано с самосознанием, которое является ее основным признаком. *Самосознание* — как это уже предуга-

дывал Аристотель, в своем учении о Боге, — *есть функция духа*. Глубочайшую сущность существа нашего познаем мы не умом, а духом. Самосознание есть функция духа, а не ума.

С духовной сферой в человеке, мы принуждены обратиться к трихотомии, т.е. к различению в человеке трех его сторон - духа, души и тела. К трихотомии склоняется и современная психология, поскольку тема духа все серьезнее ставится и в ней.

Но самым различием трех сфер в человеке ставится ответственный вопрос об их взаимоотношении, - и на этот вопрос христианская антропология может дать лишь один ответ - в учении об иерархической конституции человека. Давно установлено, что в любой системе существует определенная иерархия: так и в человеке целостность его жизни состоит в *примате духовного начала*, т.е. в действенной соотнесенности всей жизни человека с его духовным началом. Другими словами, в человеке все "личностно", т.е. все связано с центром души, с ее внутренним миром.

Примат духовного начала, конечно, не подавляет психофизической нашей жизни, не устраняет даже ее собственной закономерности. Из того, что психика и телесная сфера служат проводниками и выражением духовного начала, не следует, конечно, что у них нет собственной жизни. Эта собственная их жизнь не только соотнесена всегда к началу духовности, но она может и подчинять его себе, в чем проявляется уже плененность духа влечениями психофизического характера.

Другими словами, предначертанный Свыше порядок вещей ставит дух во главу личности, однако, в силу испорченности и порочности, психофизиология нередко диктует свои условия жизнестояния, тем самым извращая благоразумный ход жизни. Большой дух оказывается не в силах сопротивляться напору страстей и желаний. Следовательно, если имеют место влечения психофизического характера, то налицо болезнь духа, болезнь, без излечения которой невозможно рассчитывать на победу какого либо порока (будь то, алкоголизм, наркомания, стяжательство, гордыня, высокомерие, зависть и т.п.) . Корень многих физических и психических недугов в болезни духа.

Когда дух наш в плену низших влечений, целостность не нарушается, хотя *закон жизни искажается*: в этом случае духовная сторона в человеке приоткрыта, отодвинута вглубь, отказывается "работать на человека".

Духовное начало в человеке не есть нечто очевидное, понятное и лежащее на поверхности. Духовную жизнь каждому предстоит в себе открыть; в противном случае можно всю свою жизнь прожить, не останавливая своего внимания на духовной стороне жизни, лишь изредка ощущая ее влияние. Многие люди так часто убегают от самих себя, настолько уходят в повседневную жизнь, что с трудом различают в себе духовное начало. Ведь для того, чтобы открыть в себе духовный мир, чтобы чувствовать, замечать и осмысливать свою внутреннюю жизнь, необходимо "внимать самому себе", нужно ослаблять власть внешних впечатлений и эмоций, необходимо уединение, внимательное самосозерцание, серьезные изменения в психических навыках, а иногда и крутые повороты судьбы.

Духу нашему в самом деле присуща ненасытная, неутомимая жажда идти вперед и вперед, присуще то тяготение к "Безусловному", Абсолютному, "Вечному", "Бесконечному". Духовная жизнь в нас и есть источник самовидения, источник света, в излучениях которого осуществляется сознание самого себя, — это есть сердцевина личности, связь с которой и держится вся наша личность в полноте ее сил.

Походка и тип движений, голос и интонация, почерк и стиль, социальное поведение и социальные чувства, тип реакции, настроение, — все, решительно все становится интимно связанным с началом личности. Часто в мелочах и пустяках, в тембре голоса или манере разговаривать и т.п. нам открывается глубже и яснее все своеобразие личности, ее особенности, ее истинная глубина. Примат духовного начала и означает эту сплошную укорененность всего в духе, эту сплошную

связанность духа с его эмпирией.

Роль духа в человеке можно проиллюстрировать следующим положением, содержащимся в высказывании Афанасия Великого:

"Всякий, кто только друг истины, должен сознаться в том, что ум человеческий не одно и то же с телесными чувствами, потому что он, как нечто иное, является судьей самих чувств, и если чувства чем бывают предзаняты, то ум осуждает и пересуживает это, указывая чувствам на лучшее. Дело глаза — видеть только, ушей — слышать, уст — вкушать, ноздрей — принимать запах, рук — касаться, но рассудить, что должно видеть и слышать, до чего должно касаться, что вкушать и обонять — не дело уже чувств, а судит об этом душа и ее ум.

Рука может, конечно, взяться и за меч, уста могут вкусить и яд, но они не знают, что это вредно, если не произнесет о том суда ум. Чтобы видеть это в подобии, можно взять для уподобления хорошо настроенную лиру и сведущего музыканта, у которого она в руках. Каждая струна в лире имеет свой звук... Но судить об их согласии и определять их стройный лад никто не может кроме знатока (гармонии) , потому что в них только тогда сказывается согласие и гармонический строй, когда держащий в руках лиру ударит по струнам и мерно коснется каждой из них. Подобное сему бывает с чувствами, настроенными в теле как лира, когда управляет ими сведущий разум, ибо тогда душа обуславливает и сознат, что производит".

Подытожим:

1. Человек — это сложная биодуховная система, в которой примат имеет духовное начало.

2. Развитие человека невозможно без совершенствования всех его главных составляющих: духа, души и тела.

3. Причину искажения (аномалии) Закона жизни следует искать, прежде всего, в болезни духа.

4. Укрепление духовного начала в человеке должно быть предметом особой заботы как самой личности, так и институтов, призванных образовывать и воспитывать человека.

5. Правильно поставленное самосознание — центральный пункт укрепления духовного начала личности.

Путь человека определяется не просто сопряженностью духа и психофизической стороны, но в нем обнаруживается своя — для каждого человека особая — закономерность, которую зовут "судьбой", которая в христианстве именуется "*крестом*". В глубине личности скрыта причина своеобразия, неповторимости ее, скрыт, однако, и ее крест, который, говоря формально, есть не что иное, как логика духовного развития данного человека.

Каждый человек приносит с собой в мир свои задачи; и эти задачи, связанные с духовными особенностями человека, остаются одними и теми же, независимо от условий, в которых человек живет, — иначе говоря, они могут и должны быть решены в любых условиях жизни. Эта внутренняя неизменность логики духовной жизни каждого из нас легла в основу античного понятия "судьбы", "рока", -но ошибка обычного понимания этого понятия в том, что эта логика жизни связана не с внешними событиями, а с внутренними задачами, с духовной стороной жизни.

"Крест" — это *индивидуальный духовный закон*. Понятие креста есть, таким образом, понятие основное для понимания отдельной личности — оно относится к духовному его миру, задачи и логику которого он определяет.

Духовная жизнь в нас задана как тема творческого раскрытия и осуществления данных нам "талантов". Связность и внутренняя логичность нашей жизни обычно открывается нам лишь в зрелом возрасте, когда мы неожиданно видим, как через всю нашу жизнь, при всем различии внешних условий, психофизических процессов в нас, идет одна и та же тема жизни, те же трудности, те же ступени возрастания.

Понять свой крест, усмотреть внутреннюю тему жизни, понять, как она может воплотиться в данных условиях моего существования, связать ее с общими моральными и религиозными началами, — все это так трудно, требует подлинной прозорливости. Даже опытные руководители духовной жизни, из

года в год руководящие кем-либо, часто "за деревьями не видят леса", не видят "креста", той центральной и основной и в то же время совершенно индивидуальной темы, которая определяет внутреннюю логику исканий и трудностей в человеке. Итак:

1. Каждый человек строго индивидуален. Корень этой индивидуальности заключен в особой логике жизни, именуемой "крестом". Вокруг основной "темы жизни" следует концентрировать таланты, развивать способности.

2. Трудность познания своего "креста" не умаляет необходимости пробовать свои силы и возможности, искать свое место и дело жизни. Только активность таких поисков, "делание" позволит раскрыть меру данных нам талантов и способностей.

3. Отсутствие ярких дарований у человека вовсе не дает основания говорить об его обделенности талантами. Дело, как правило, в том, что или поиск был мало активным, или человек сам был невнимательным к тем дарам, которые ему ниспосланы Свыше.

4. Духовный наставник особенно необходим человеку в пору его детства, юности и ранней зрелости.

В самой духовной сфере нашей образуются два полюса — полюс добра и зла, полюс светлой и темной духовности. Люди, наблюдавшие за самим собою, за состоянием своей духовной жизни — замечали, что душа их, прежде тихая и спокойная, как величественная река, ровно текущая в своих берегах, вдруг была возмущаема какой-то неприязненной, злою силою — и начинала смутно волноваться от напора нечистых помыслов и желаний страстных:

— усматривали, что внутри их иногда кто-то с силою устремляется на самые коренные, спасительные убеждения разума, на самые святые чувствования; колеблет веру в самом ее основании, омрачая и возмущая ум и рассудок, чтобы, чтобы в этом мраке и смятении удобнее похитить сокровище веры; навязывает разные скверные, лукавые и хульные помышления, тогда как человек расположен к помыслам святым и возвышенным;

— и это делается с такой силою, что человек должен иногда отстаивать в поте и слезах самые святые и животворные истины веры, свое благоговение к лицам, превознесенным и препрославленным на небе и на земле, и к предметам святым и достойным всякого почтения.

Вообще эта злобная сила старается представить человеку все доброе и святое в виде мрачном и нечистом, скрывая во мраке все светлое и прекрасное.

Как объяснить это явление в нашей душе? Что это за сила, так свободно прокрадывающаяся сквозь тело в душу и попеременно -то оставляющая нас в покое, то снова на нас устремляющаяся, -которая неизвестно откуда приходит и куда уходит? Это не есть одна только испорченность нашей природы, это есть тот иной закон ... противодействующий закону ума нашего, о коем говорит св. апостол (Римл. 7, 23) . Нет: тут именно заметно действие посторонней силы, которая противодействует в нас доброй силе.

Из этого сознания двойственности нашей души вытекает обязанность — жить по-человечески и удерживаться от жизни, недостойной человека, в силу чего возникает исключительный закон человеческой деятельности, так называемый, *нравственный закон*, одно только появление которого в человеческом сознании преобразует собою всю душевную жизнь человека.

Этот закон возвышает человека над теми мотивами, которые создаются разными условиями жизни и разными потребностями физической природы, и если прямо не заставляют его жить по истине, то по крайней мере заставляют его судить свою жизнь на основании идеи истинной жизни. А таким путем в сферу человеческой жизни вносится особый нравственный элемент, и душевная жизнь человека превращается в особый сложный процесс духовного развития самой человеческой личности.

Нравственный закон требует умения "внимать себе", ду-

ховно проникать в глубины своих движений и чувств, чтобы отдавать себе отчет в подлинном смысле различных по своему направлению "корней" этих движений и чувств. В случае же, когда злое, недоброе начало возьмет верх в человеке (хотя бы на некоторое мгновение) , он должен уметь очиститься от греха, искренно *раскаяться* в содеянном.

Лишь в порядке раскаяния светом молнии озаряется темное подполье души, — чем духовно зреее человек, тем ярче и тем чище воссоздается в свете раскаяния подлинная жизнь духа. Чрезвычайное значение *раскаяния* в динамике духовной жизни покоится на том, что при свете его вся неправда и зло, скрытые в "естественной духовности", отвергаются нами, и мы обращаемся к Богу. В эти моменты устанавливается живая связь с Богом, преодолевается раздвоение, — и *нет другого пути к духовному восхождению, как через раскаяние*.

Здесь находит свое объяснение один из загадочных парадоксов духовного возрастания, хорошо знакомый и священникам и педагогам. *Торжество добродетели в поведении, на периферии души часто вовсе не способствует возрастанию цельности в духе, а лишь усиливает темный полюс в духовной стороне*, — и, наоборот, грехи и падения, если только они дают начало раскаянию, которое сотрясает все существо наше и вызывает к жизни беззаветное обращение к Богу, оказываются условием духовного возрастания. *Раскаяние есть функция свободы в нас*, и только как свободный акт оно имеет свою преобразующую силу. Заметим:

1. Наличие в душе двух полюсов (светлой и темной духовности) требует постоянной бдительности и готовности человека дать отпор соблазнам, искушениям и т.п.

2. Только посредством неукоснительного соблюдения верного нравственного закона человек в состоянии бороться с силами зла и своей темной духовности.

3. Умение различать добро и зло, добродетель и порок, правильно внимать себе и верно оценивать собственные дела и поступки, проявлять умеренность, сдержанность и смирение, искренно раскаиваться в содеянном зле, — делает человека способным противостоять соблазнам и искушениям окружающей жизни.

4. Раскаяние — это функция здорового духа, основа благоразумного поведения, показатель духовного прогресса личности, в то время как отсутствие побуждения к раскаянию свидетельствует серьезной духовной болезни.

5. Раскаяние — это не акт публичного покаяния, а внутренняя перестройка души в соответствии с совершенно иными духовными ценностями. Искреннее раскаяние — это узловый пункт развития духовности человека.

Человек рождается *свободной* личностью, в том плане, что ему предоставляется полное право распорядиться собственным неотъемлемым достоянием — жизнью, здоровьем, задатками (физическими и духовными) , связями и отношениями (от родственных, дружеских, национальных до общечеловеческих и внеземных) .

Но дар свободы — великий, но и страшный дар; без него не цветет, не раскрывается личность, но в свободе же источник всех трагедий, всех испытаний человека. Свобода ставит нас неизменно и неотвратимо перед дилеммой добра и зла — и как часто свобода, подлинная, глубокая, блистающая всеми дарами человеческой души — уводит нас на путь зла и разрушения — себя и других!

Свобода дана и не дана: *ее поистине надо "завоевать"*, ее нужно утверждать и находить. *Задача заключается в том, чтобы зажечь душу идеей свободы, привести ее к свободе, совершить восхождение к свободе*.

Не нужно быть придирчивым к современности, чтобы признать, что современный человек не умеет пользоваться своей свободой. Он даже готов пожертвовать своей свободой. Свобода так часто переживается людьми, как бремя, — и не только в наше время, когда индивидуум жаждет раствориться в массе, в коллективе и спешит отказаться от своей свободы. Свобода больше смущает, чем помогает, больше обременяет, чем окрыляет.

Все это ставит очень остро и ответственно вопрос о том — как обеспечить связь свободы и добра? Как превратить начало свободы в источник творчества, а не произвола, восхождения к добру, а не служения злу? Как наполнить развитие разных сил в человеке глубоким смыслом, связать душу с миром ценностей — не минуя свободу, а через свободу? Возьмем на заметку следующие обобщения:

1. Свобода — это благо и дар Божий. Без свободы, вне ее невозможно развитие самостоятельной, благоразумной и активной личности. Ущемление и ли ограничение свободы — это удар по самостоятельности, благоразумию и активности человека.

2. Свобода, как необходимое условие, благоразумного поведения и активной деятельности, предполагает наличие у человека высокого уровня духовной культуры, умения пользоваться благами свободы.

3. Дети, юноши и люди раннего периода зрелости нуждаются в наставничестве на пути восхождения к свободе.

4. Главная проблема воспитания — обеспечение естественной связи свободы и добра, свободы и долга, свободы и подлинного смысла жизни.

5. Свобода не дается, а берется. Берущий свободу возлагает на себя серьезные узды ответственности.

Природа наделяет людей разными способностями и возможностями. *Люди от природы не равны*: они отличаются друг от друга — полом и возрастом; здоровьем, ростом и силою; зрением, вкусом, слухом и обонянием; красотой и привлекательностью; телесными умениями и душевными способностями — сердцем и умом, волею и фантазией, памятью и талантами, добротой и злобой, совестью и бессовестностью, честностью, храбростью и опытом.

Но, если люди от природы не одинаковы, то как же может справедливость требовать, чтобы с неодинаковыми людьми обходились одинаково, чтобы им предоставляли равные права и одинаковые творческие возможности. На самом деле справедливость совсем и не требует этого; напротив, она требует, чтобы права и обязанности людей, а также и их творческие возможности предметно соответствовали их природным особенностям, их способностям и делам. Так, именно справедливость требует, чтобы законы ограждали детей, слабых, больных и бедных. Именно справедливость требует, чтобы способным были открыты такие жизненные пути, которые останутся закрытыми для неспособных. ("Дорогу честности, храбрости, уму и таланту").

По своим духовным, умственным и физическим качествам люди, в силу объективных обстоятельств могут быть предназначены только к определенным видам деятельности, у каждого из нас существует свой предел возможностей, своя жизненная задача ("крест"). Итак, заметим следующее:

1. Следует признать, что люди обладают разными задатками, способностями, духовными, умственными и физическими резервами, что ставит предел их жизненным устремлениям.

2. В силу объективных причин люди предрасположены к тем или иным практическим занятиям и видам деятельности.

3. Развивать и совершенствовать можно лишь то, что дано от природы.

4. Задача состоит в том, чтобы умело распорядиться тем, что дано Свыше.

Не работающие функции свертываются из-за ненадобности. Полученные Свыше дары можно утратить, если ими не пользоваться или же эксплуатировать нещадно.

На практике, как правило, наблюдается не отсутствие талантов, а неумение правильно воспользоваться полученными дарами. Поучительный пример дает нам Александр Македонский, который увидел, что его отец Филипп посчитал негодным коня из-за его исключительной дикости, так как тот не допускал к себе ни одного наездника. Тогда он сказал: "Такого коня они губят из-за неумения им пользоваться!" И когда он, не прибегая к ударам, удивительно искусно обошелся с конем, то добился того, что не только тогда, но и впоследствии

Буцефал постоянно носил на себе Александра, и во всяком мире нельзя было найти коня более благородного и более достойного такого героя. Передавая этот рассказ, Плутарх прибавляет: "*Пример этого коня указывает нам на то, что много отличных природных дарований гибнет по вине наставников, которые коней превращают в ослов, не умея управлять возвышенными и свободными существами*".

Человеку дан сильный фактор жизни — *инстинкт самосохранения*, действие которого распространяется не только на физическую природу человека, но и на его духовную сферу. Инстинкт самосохранения вызывает к жизни *идею спасения*.

Идея спасения, конечно, была известна древнему миру, но известная лишь в том условно-ограниченном содержании, в каком она сама собою возникает из переживания человеком разных страданий жизни. Дело в том, что человек находится в зависимости от внешнего мира, и во многих фактах этой зависимости он не может не видеть прямой и резкой угрозы своему существованию в мире. Такие явления, например, как голод и холод, засуха и ливень, мировые беды и смертоносные войны, да и весь вообще огромный мир бездушных стихий физической природы и безумных страстей человеческих, непрерывно развертывают пред человеком постоянную возможность его гибели и, подавляя человека ужасом смерти, естественно и необходимо заставляют его думать о спасении своем. Но, думая о спасении лишь в силу мучительного чувства ужаса смерти, человек уже естественно, конечно, и полагает свое спасение в одном только сохранении своей жизни путем устранения от нее всяких тех опасностей, которые неминуемо заставляют его болезненно трепетать за жизнь. Это элементарное содержание идеи спасения вполне ясно и точно определяет собою узкопрактическое значение и приложимость этой идеи. Поэтому идея спасения в смысле достижения жизни, свободной от всяких страданий и от страшного призрака смерти, фактически всегда выражает собою *необходимую цель всей вообще произвольной деятельности человека*. Эта именно идея заставляет человека придумывать и отыскивать всякие средства, при помощи которых он мог бы спасти себя от страданий и от гибели и мог бы достигнуть беспечальной жизни в счастье, полного довольства собою и всем окружающим его миром.

Не найдя счастья в своей жизни, он переносит мечту о нем в свою будущую жизнь, обращаясь к Богу, вере христианской, ибо основной вопрос христианской веры — христианское учение о спасении человека.

По своей психологической сущности *религия* представляет собою форму самосознания и самоопределения человека. Пока в содержании своей религиозной веры человек находит *истинное познание* о себе и о своей цели в мире, он безусловно не может отказаться от своей религии и в ней черпает свои силы и утешение. Но если он перестает видеть в ней идею спасения, то религиозные верования будут терять для него свое *жизненное значение* и передут в простые богословские мнения, пока, наконец, в ранге этих мнений не будут им отвергнуты, как *явные заблуждения*. Тогда в зависимости от нового познания о себе, человек может отыскать себе новую веру, но может и совсем отказаться от всякой религии.

Но интересы человеческой жизни не исчерпываются интересами физического существования. Человек может желать не только того, что представляется ему полезным или выгодным, приятным или необходимым, но и того еще, что он сам признает для себя достойным предметом своего хотения; и вследствие этого он может стремиться не только к тому, к чему вынуждают его стремиться удовлетворить физические потребности жизни, но и к тому еще, что далеко выходит за рамки этих потребностей.

Здесь возникает вопрос о смысле жизни. Имеет ли жизнь вообще смысл, и если да — то какой именно? В чем смысл жизни? Или жизнь есть просто бессмыслица, бессмысленный, ничемный процесс естественного рождения, расцветания, созревания, увядания и смерти человека, как всякого другого

органического существа?

Эти вопросы о смысле жизни волнуют и мучают в глубине души *каждого* человека. Человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нем, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах ... — но жизнь уже так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром и духовно спящий человек. Чехов описывает где — то человека, который, всю жизнь живя *будничными интересами* в провинциальном городе, как все другие люди, лгал и притворялся, "играя роль" в "обществе", был занят "делами", погружен в мелкие интриги заботы — и вдруг, неожиданно ночью, просыпается с тяжелым сердцебиением и в холодном поту. Что случилось? Случилось что — то ужасное — *жизнь прошла, и жизни не было, потому что не было в ней и нет в ней смысла!*

"Что делать?" — ставит вопрос себе и окружающим людям человек, делая акцент, как правило, на поиске путей и средств выхода из материально-бытовых теснин жизни и не затрагивая ее духовных основ. В подлинном же духовном значении вопрос звучит так: *какую из жизненных целей или ценностей признать для себя определяющей и главной?*

Многие при этом полагают, что значимая жизненная цель должна обязательно касаться глобальных целей (к примеру, спасти человечество, сделать гениальное открытие, принести благо огромному количеству людей и т.п.). Но суть жизни заключается не в поиске ответа на вопрос "Как мне переделать мир, чтобы его спасти?", а в другом: "Как мне самому жить, чтобы не утонуть и не погибнуть в хаосе жизни?"

Постараемся теперь понять, что это означает — "найти смысл жизни". Под "смыслом" мы (вслед за С.Франком) подразумеваем примерно то же, что "разумность". "Разумным" же в относительном смысле мы называем все целесообразное, все правильно ведущее к цели или помогающее ее осуществить. Разумно то поведение, которое согласовано с поставленной целью и ведет к ее осуществлению, разумно или осмысленно пользование средством, которое помогает нам достигнуть цели. *Благоразумно* — все то, что ведет к благу и согласуется с Законом.

В рамках земной жизни, Г. Спенсер, на наш взгляд верно, выделил следующие главнейшие (разумные) роды человеческой деятельности:

- 1) то, что способствует самосохранению;
- 2) то, что обеспечивает жизненные потребности;
- 3) то, что помогает воспитывать и обучать потомство;
- 4) то, что помогает поддержанию надлежащих социальных и политических отношений;
- 5) то, что позволяет плодотворно проводить свободное время.

Классификация Г.Спенсера позволяет подойти к целому ряду важных вопросов. Во-первых, это *вопрос о сравнительной ценности различных знаний*. Решить этот вопрос можно лишь на основании определенной *нормы ценности*. По мнению Г. Спенсера, которое разделяем и мы, в основе определения нормы ценностей лежат следующие вопросы: какую пользу человеку могут принести эти знания? помогают ли они понять как жить, как воспитывать свое тело, ум, как управлять делами?

Во-вторых, содержанию главных видов человеческой деятельности должны соответствовать и виды воспитания:

- а) воспитание, подготавливающее к непосредственному самосохранению;
- б) воспитание, подготавливающее к посредственному самосохранению;
- в) подготовка к родительским обязанностям;
- г) подготовка к гражданской жизни;
- д) подготовка к различным занятиям, скрашивающим жизнь.

В-третьих, по мысли Г.Спенсера, следует различать разные по своей значимости знания, ибо существуют:

- 1) знания существенной ценности; 2)
-) знания почти существенной ценности и
- 3) знания ценности условной. Следовательно, есть такие знания, без которых жизнь человеческая просто немислима, но есть и такие, которые не представляют для человека особой практической, жизненной ценности.

В трудах Г. Спенсера содержится весьма характерное замечание о месте и роли жизненного знания:

"Жизненное знание — то, с помощью, которого мы, как нация, достигли того, что мы есть, и с которым и до сих пор поддерживаем наше существование, есть то знание, что приобретаетса само собою *в углах и закоулках*, между тем как в установленных учреждениях для обучения перебираются одни *мертвые формулы*".

К счастью, свидетельствует он, та наиважнейшая часть, которая ведет к обеспечению непосредственного самосохранения, большей частью уже упрочена. Она слишком важна, чтобы быть предоставлена нашим заблуждениям, и природа приняла на себя заботу о ней. В ребенке, который еще на руках няньки, прячет свое лицо и кричит при виде незнакомца, мы видим проявление инстинктивного стремления достигнуть безопасности, избегая того, что неизвестно или может быть опасно.

Кроме охранения тела от механических повреждений или разрушения, воспитание должно оберегать от вредного влияния на него других причин — от болезни и смерти, происходящих от нарушения физиологических законов. Но, как отмечает Г. Спенсер, *относительно законов жизни среди нас господствует полное невежество*. Заметим:

1. Человек, будучи слабым существом, нуждается в духовной поддержке, помощи, идее спасения, надежде, вере и любви.
2. Он должен иметь возможность выбрать себе достойные духовные ценности, не ограничиваясь скудным запасом духовной пищи, зачастую сомнительного содержания.
3. Благоразумное поведение следует считать целью и смыслом жизни человека.
4. Жизненное знание должно быть приоритетным в системе его образования и воспитания.

При всей уникальности и неповторимости, человека не следует рассматривать изолированно: *человек есть часть общего*. Он живет во взаимозависимом мире и не может без серьезных последствия для себя рвать (нарушать) родственные, социальные, национальные и прочие основные связи.

Особенно ярко взаимосвязь человека с обществом проявляется в факторе *национальности*. Наша эмпирическая жизнь есть обрывок: сама для себя, без связи с неким целым, она так же мало может иметь смысл, как обрывок страницы, вырванной из книги. Ближайшим целым, с которым мы связаны и часть которого мы составляем, является жизнь народа; вне родины и связи с ее судьбой, вне культурного творчества с прошлым человечества и его будущим, вне любви к людям и солидарного сочувствия в их общей судьбе мы не можем осуществить самих себя, обрести подлинно осмысленную жизнь. Как лист или ветвь дерева, мы питаемся соками целого, растем его жизнью и засыхаем и отпадаем в прах, если в самом целом нет жизни. Для того, чтобы индивидуальная жизнь имела смысл, нужно поэтому, чтобы имела смысл и жизнь общечеловеческая, чтобы история человечества была связным и осмысленным процессом, в котором достигается какая-либо великая и бесспорно ценная цель.

Хочет человек того, или нет, но национальный фактор накладывает своей отпечаток на его сознание, поведение и жизнь в целом. Обратимся к характеристике русского национально-го характера для подтверждения сказанного.

Русские люди вообще имели *привычку жить мечтами о будущем*;

и раньше им казалось, что будничная, суровая и тусклая жизнь сегодняшнего дня есть, собственно, случайное недоразумение, временная задержка в наступлении истинной жизни, томительное ожидание, нечто вроде томления на какой —

то случайно остановке поезда... Это *настроение мечтательности* и его отражение на нравственной воле, эта нравственная несерьезность, презрение и равнодушие к настоящему и внутренне лживая, *неосновательная идеализация, будущего* — это духовное состояние и есть ведь последний корень той нравственной болезни, которая загубила русскую жизнь.

Русский человек страдает от бессмыслицы жизни. Он остро чувствует, что, если он просто "живет как все" — ест, пьет, женится, трудится для пропитания семьи, даже веселится обычными земными радостями, он живет в туманном, бессмысленном водовороте, как щепка уносится течением времени, и перед лицом неизбежного конца жизни не знает, для чего он жил на свете. Он всем существом своим ощущает, что нужно не "просто жить", а жить для чего-то.

Критерий истины для него — всегда в конечном счете опыт. Опыт означает для русского в конечном счете то, что понимается под жизненным опытом, т.е. *внешней* стороной истины, не проникая в ее внутреннее ядро. В то же время, что-то "узнать" — означает приобщиться к чему-либо посредством *внутреннего* сознания и сопереживания, постичь что-либо внутреннее и обладать этим во всей полноте его жизненных проявлений. Вот почему опытное знание русских, как правило, неполно и неточно.

Еще одна национальная черта — характерное *предубеждение против индивидуализма и приверженность в определенном роде духовному коллективизму*. Речь идет о своеобразном понятии, которое в русском церковном языке, а затем и в сочинениях славянофилов выражается непереводаемым словом "соборность", происходящим от слова "собор". Этой соборностью, или "принципом общности", на который настроен русский дух (и который славянофилы называли также "хоровым принципом" русской жизни), объясняется, что *политика, политическая борьба играет в русской духовной жизни чрезвычайно большую роль*.

Если мы обобщим особенности русского мировоззрения, то обнаружим: в частности *принцип жизненного опыта, познание через переживание* и, наконец, то, что мы назвали *соборностью*, или принципом общности, принципом единства отдельных личностей, их переплетения во всеохватывающей, живой целостности духа., то это обобщение позволит нам ощутить, как глубока, конкретна и всеобъемлюща та истина, к которой стремится русский дух. Итак:

1. Человек, являясь частью общего человеческого сообщества и цивилизации, несет в себе печать этой общности. Ум, душа, характер, поведение человека имеют свой национальный, социальный и политический оттенок.

2. Национальное в человеке следует рассматривать как одну из важнейших субстанций, имеющих две стороны: позитивную и негативную. Обе эти стороны находятся в единстве и противоборстве, существуют во взаимосвязи друг с другом. В интересах развития и образования человека надо глубоко знать обе составляющие.

3. Развитие человека не может строиться без учета национального фактора, вопреки ему. Игнорирование его равносильно движению лодки против течения бурной горной реки.

4. Национальное, являясь одной из субстанций духа человека, требует столь же глубоких, а не поверхностных и не формальных подходов.

Еще одна грань нашего существа связана с *возрастом*. Учение о примате духовного начала в человеке ставит вопрос о феноменологии духа в смысле ступеней его раскрытия в эмпирической жизни человека, т.е. вопрос о ступенях и формах духовной жизни у человека в разные периоды его жизни, начиная с младенчества и кончая глубокой старостью.

Нас, в большей степени интересует диалектика духовного и психофизического развития юности, когда получают завершение некоторые важные духовные процессы и личность вступает в новую фазу — зрелости.

Согласно В.Зеньковскому, от раннего детства возвращается в юности эстетический тип миромышления — хотя уже и на ином основании. От второго детства в юность входит вни-

мание к законам и порядкам мира внешнего, социального и морального. От отрочества в юность приводит могучая сила пола, но как бы укрощенная и просветленная в светлом развитии эроса, обычно находящего свой объект, в восторженном поклонении которому расцветают все лучшие силы души.

Юность, по существу, является периодом органическим, периодом *внутреннего единства и творческой цельности*, периодом *увлечений и вдохновения, энтузиазма и доверчивого отношения к миру и людям*. Юность богата силами, полна творческих замыслов, поразительная в своем идеализме, смела, порывиста, но вместе с тем добра и великодушна. Юность художественна потому, что путь жизни, уже почти открытый, еще не стесняет, не мучит — это пора выбора пути и составления планов, по преимуществу пора свободы и творческой независимости, пора грандиозных замыслов, ярких утопий, героических решений.

Личность достигает своего почти уже полного расцвета, еще не исключая того многообразия, которое в ней есть. Юность *нерасчетлива*, хотя порой в ней уже действует инерция житейских привычек, вошедших в душу от периода второго детства, — она нерасчетлива, ибо богата — и *ей легко пожертвовать всем*. За этим чисто легкомысленным отношением к своему богатству стоит все же настоящая сила, — и как часто именно в эту — пожалуй, только в эту — пору в живом и горячем порыве отдает себя юность на всю жизнь на какой-либо подвиг и остается свободно верною всю жизнь ему. Вдохновение юности есть не мечта, а подлинный художественный замысел, предваряющий период творческой работы.

В юности достигает полноты субъективного и объективного своего созревания дар свободы. Юность уже сознает до конца свое право на свободу, сознает всю силу ее — быть может и не в расчлененном сознании, а более интуитивно, но сознает вполне. С другой стороны личность действительно уже овладевает даром свободы, ибо ни физическая, ни социальная, ни моральная сила и традиция уже не стоят на пути к свободе. Только в юности (до зрелого периода) возможны действительные, а не мнимые героические решения "на всю жизнь", только в юности возможно воспламенение души раз навсегда — без колебаний и перемен, без измены и увядания.

По существу, юность лучше всего можно было бы охарактеризовать, как *религиозный период*, но не в смысле содержания духовной жизни, а в смысле типа ее. Религиозная жизнь сочетает нас с Богом, с Бесконечностью и наполняет все наше тварное бытие устремлением к Ней, — и именно это мы имеем в юности, хотя бы сознание юного существа ли совсем было чуждо религиозной категории или же ее сознавало неадекватно.

Чаще всего мы находим либо полное опустошение, либо одичание, либо искажение религиозного сознания, при котором либо совсем отсутствуют религиозные категории, либо они открывают в душе Бога не в Его непостижимом, всеохватывающем пламени любви и творчества, а в искусственно и искаженно суженном образе Бога — Судии, чуждого земле и непреклонного в своих требованиях.

Ограниченность юности и *источник ее бед* в том и заключается, что она редко сознает в адекватной полноте весь смысл того, чем светится и чем горит ее душа.

Духовная слепота (лишь у избранных свыше людей устремляемая силой внутреннего свечения) не может быть устранена никаким "образованием", вообще через интеллект; юность изнутри должна увидеть себя в Боге, осмыслить творческую силу свою как силу стояния перед Богом. Лишь в порядке внутреннего свечения открывается это в душе — вне этого она пребывает в некоем потемнении. Не религиозное образование поможет здесь душе — ей нужно спасение, ибо основная тема юности, идущая к зрелому ответственному периоду жизни заключается в том, как найти себя в Боге, уже будучи в Нем. Обобщим изложенное:

1. Каждый возраст имеет свои физические и духовные особенности. В частности, духовные особенности проявляются в

особых: миропонимании; системе потребностей; мотивах поведения; источниках активности, творчества и вдохновения; социальных связях и отношениях; статусе и т.д.

2. Развертывание способностей (физических, умственных, духовных) может либо задерживаться, либо ускоряться как внутренними силами человека, так и внешними воздействиями (людьми, обстоятельствами).

3. Чрезмерное опережение естественных сроков развития, как и искусственное их торможение, — чреваты серьезными последствиями. Следует вести природосообразное развитие (обучение, воспитание и образование) с некоторым упреждением естественных процессов.

4. Одной из важнейших духовных задач на каждом возрастном этапе является устранение типичных для этого периода ошибок, заблуждений, перекосов и т.п.

5. В каждом возрасте должно быть создано свое возрастное образование (фундамент, этаж, система коммуникации и т.д.) для последующего "строительства" личности.

6. Подлинным достоянием личности может стать только то, что добыто собственным трудом (физическим, умственным, духовным).

7. Испытания, трудности, лишения являются для человека важнейшими и необходимыми учителями и наставниками жизни.

Человек есть в огромной, подавляющей мере *существо чувственное* — существо, произвольное внимание которого приковано к чувственному данному, видимому, осязаемому — к тому, что "бросается в глаза", что действует на нас через посредство нашего тела. Мы как бы гипнотизированы чувственно-данной, явственной, массивно и резко действующей на нас частью реальности. Это и понятно: такое устройство нашего сознания есть прямо биологическое условие нашей жизни, потому что в интересах самосохранения мы должны интенсивно реагировать на непосредственно окружающую нас, действующую на наше тело среду. Чувственный опыт есть опыт, убедительность которого как бы практически удостоверена и именно поэтому не может быть отрицаема.

Чувства всегда являются тем двигателем, который заставляет нас напрягать в большей или меньшей степени свою волевою энергию.

Наряду с позитивным влиянием на человека чувств (предостережение от опасности, побуждение к активности, окрашивание отношения человека в положительные тона), чувства выполняют и негативную роль (эмоции "захлестывают" человека, ярость затмевает рассудок, гнев и невозддержанность портят отношения и т.п.). Чувства без контроля, без сдержек приносят человеку больше вреда, нежели пользы.

Человек должен иметь прочный *духовный центр*. "Тот человек, у которого нет такого центра, говорит Ницше, тот как бы без костей. Он никогда не будет твердо стоять на своих ногах; у него никогда не будет собственного "да" или "нет". Такого человека можно уподобить кораблю без руля и ветрил. Характерную ошибку в поисках такой опоры, такого центра указал А. Шопенгауэр в своих "Поучениях и максимах":

"Человек зачастую ищет опоры вне себя. Это — непрочная и слабая опора. Нужно находить опору внутри себя. Остерегайтесь строить счастье своей жизни на *широком фундаменте* — предъявляя к ней много требований: опираясь на такой фундамент, счастье это рушится всего легче, так как здесь открывается возможность для гораздо большего числа неудач, которые и не преминут случиться". Итак, сделаем следующие обобщения:

1. Эмоционально-чувственная сторона жизни человека — сфера, которая нуждается в контроле и управлении.

2. Средства, методы и силы такого контроля следует искать в духовной сфере. Порог эмоциональной чувствительности следует регулировать в духовном центре. Психотренировки, искусственные сдержки, волевые усилия, не подкрепленные духовной идеей, духовной перестройкой, не будут иметь

должного успеха.

3. Опору личной устойчивости следует искать не на стороне, а в самом себе.

Итоговое заключение

С учетом высказанных ранее положений, мы вправе отметить следующие важные положения, которые необходимо учитывать при подготовке офицерских кадров:

1. Тело, душа и дух человека, являясь основными субстанциями человека, требуют внимательного изучения и развития каждой из них. Пренебрежение какой-либо стороной личности ведет к серьезным аномалиям в развитии, жизни и деятельности человека.

2. Примат духовного начала над другими составляющими человека — заданная задача, но не всегда реальность. Закон жизни требует обеспечить этот примат всеми доступными человеку средствами.

3. В военном деле духовная составляющая имеет решающее значение: без ее наличия и развития невозможны успехи в военном деле и победа в войне.

4. Причины отклонения от Закона жизни следует искать не в психологии, биологии и окружающей среде, а, главным образом, в духовном центре и в том духовном недуге, который поразил(затронул) личность.

5. Каждый человек уникален и неповторим в том смысле, что наделен разными задатками, способностями и возможностями, а также в том, что он имеет индивидуальный закон жизни ("судьбу") и свою жизненную задачу ("крест"). Задача не в том, чтобы всех обезличить и уравнивать, а в другом: раскрыть дарования и таланты каждого и дать ему возможность достичь того, на что он способен.

6. Основным средством развития индивидуальности следует признать свободу личности. Однако, каждый должен самостоятельно произвести восхождение к свободе и быть достойным статуса свободного человека.

7. Развитие самосознания, чувства собственного достоинства, понимания единства прав и обязанностей, долга и ответственности — реальные пути, ведущие к статусу свободной личности.

8. Национальный дух, национальное самосознание, национальный характер — не абстрактные, а вполне конкретные явления жизни. Их нельзя игнорировать, умалять их значение при воспитании и развитии человека.

9. Возрастной духовный фактор в человеке выдвигает в плоскость практического решения требования принципа природосообразности. Развитие не по годам, вне учета закона постепенности развертывания природных сил человека наносит ему непоправимый вред.

10. Человек не может рассматриваться как вместительница всех достижений человеческой цивилизации в виде знаний, практического опыта и т.п. Приоритет следует отдать жизненному знанию.

11. Тема спасения в жизни человека обращает нас к вопросу о благоразумном поведении, предполагающем знание Законов жизни, потребность, желание и умение вести себя в соответствии с их требованиями.

12. Благоразумное поведение следует рассматривать как центральную задачу воспитания и самовоспитания личности.

13. Воспитание же в целом необходимо считать приоритетным в развитии человека.

14. Ядром воспитательного процесса следует признать воспитание и самовоспитание духовное. С него следует начинать и к нему необходимо возвращаться на всем протяжении человеческой жизни.

Трезвление и бдительность в работе человека с самим собой и других людей с ним — необходимая составляющая и действенное оружие в борьбе с силами зла, стремящимися сбить человека с пути Истины, Добра, Веры, Надежды, Любви и Долга.